

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
• ДЛЯ ВТОРОГО КУРСА
ЧАСТЬ II

俄语阅读

北京外国语学院俄语系编

(二年级用)

2

外语教学与研究出版社

НЗ5

25/2-2

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ДЛЯ ВТОРОГО КУРСА
ЧАСТЬ II

俄 语 阅 读
(二年级用)
II

北京外国语学院俄语系编

外语教学与研究出版社

俄 语 阅 读 (II)

EYU YUEDU (II)

(二年级用)

北京外国语学院俄语系编

※ ※ ※

外语教学与研究出版社出版

(北京市三里北路19号)

北京展览印刷厂排版

北京怀柔平义分印刷厂印刷

新华书店总店北京发行所发行

开本 850×1108 1/32 47.5印张 90千字

1988年6月第1版 1988年6月北京第一次印刷

印数 1—5,000 册

※ ※ ※

ISBN 7-5600-0315-X/G·170

定价: 0.69元

说 明

本书是大学俄语专业基础阶段阅读教材，供二年级教学使用，也可供中学俄语教师和具有相应水平的读者阅读。

本书的任务是：培养与巩固阅读俄文文学作品的初步技能与熟巧，扩大词汇量，增加语感。

本书共有9篇文章，选自苏联供外国人使用的俄语读物和报刊，是经过简化的现代苏联作家的短篇小说。作品的内容生动有趣，从不同角度反映了普通苏联人的生活、工作、学习和思绪、情操。每课课文后附有生词、词组、短语和课文难点注释。此外还有少量语言性和言语性练习，供教师授课使用。

本书由田毓筠、王嘉贤编注，经赵迪生同志审阅。此书的缺点和不足之处，请读者批评指正。

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Трудный старик	1
2. Тихий человек	9
3. Память	15
4. Третий адъютант	22
5. Без права на материнство	34
6. Слепой случай	46
7. Второй вариант	60
8. В полёте	82
9. Без свидетелей	107

ТРУДНЫЙ СТАРИК

(По Б. Зубáвину)

Профессора Лёбедева, заведующего хирургическим отделением больницы, уже старика, жившего одиноко и замкнуто, считали человеком трудным, неуживчивым.

Не проходило дня, чтобы Лёбедев не накричал на кого-нибудь из персонала. Стоило ему увидеть даже небольшую ошибку, как он, не уважая и не жалея ничего самолюбия, тут же начинал кричать. В отделении, включая врачей, работали одни женщины, и редкий день заканчивался без слёз.

Считали, что если бы Лёбедев был воспитанным человеком, он бы мог высказывать свои замечания более сдержанно и не при всех или мог бы делать вид, что ничего не заметил.

Но ничего подобного он не хотел признавать, и, когда он ругался, всем становилось неудобно за его грубость.

Не любила его и Лариса Фёдоровна Горячева — дежурный хирург отделения, красивая, с густыми чёрными волосами, очень жизнерадостная и, несмотря на молодость, уже имевшая право самостоятельно вести самые сложные операции.

Когда Лёбедев кричал на кого-нибудь, Лариса Фёдоровна с сожалением смотрела на него, а если он повышал голос на неё, она гордо поднимала голову и ничего не отвечала. Так продолжалось пять лет, которые Горячева проработала в больнице, придя к Лёбеву прямо из института.

Если не было серьёзных очередных операций, которые Лёбедев делал сам, то он уезжал обычно на три-четыре часа в городские поликлиники, где консультировал. Без него все держались свободнее, проще, и казалось, если бы он уехал сов-

сем, никто об этом не стал бы жалеть. Так думала и Лариса Фёдоровна и всякий раз, принимая дежурство, горячо желала, чтобы Лебедев уехал куда-нибудь на консультацию и можно было бы держаться свободнее, веселее.

Подумала она об этом и сегодня.

Накануне она была в театре с Володей Корневым, майором, который давно ухаживал за ней. В этот вечер, провожая её после театра, он сделал ей предложение, которого она уже давно ждала, но, услышав, ответила, что должна подумать, хотя знала, как будет вести себя и что скажет ему через день, при следующей встрече.

И сегодня у неё было радостно-праздничное настроение.

В девять часов она пришла на дежурство, а в половине одиннадцатого её вызвали в приёмный покой, куда машина «Скорой помощи» только что привезла прямо из школы молоденькую девушку-десятиклассницу, почти совсем ребёнка, с длинными косами, в коричневом платье. У неё был приступ аппендицита, она испуганно и доверчиво поглядела на Ларису Фёдоровну, и когда Лариса Фёдоровна оперировала её, то всё время чувствовала эти прекрасные, испуганные глаза и синее чистое небо за огромным окном операционной и то, как хорошо, легко она работает.

Через сорок пять минут всё было закончено, а когда Лариса Фёдоровна записала в историю болезни, как проходила операция, как чувствует себя больная, оказалось, что Бебедев уже уехал на консультацию.

— Ну и прекрасно! — сказала Лариса Фёдоровна и засмеялась от переполнявшего ее счастливого чувства. — Ах, как хорошо!

А в три часа Ларису Фёдоровну опять вызвали в приёмный покой: привезли рабочего Мусина. Он был в тяжёлом состоянии.

Когда Мусина перекладывали на кровать, у него пошла ртом кровь. После этого он так ослаб, что даже не мог говорить, и лежал, закрыв глаза.

Лариса Фёдоровна Горячева и два другие врача поспешно занялись им.

Но всё, казалось, было напрасно: давление крови катастрофически упало. Даже оперировать старика было уже поздно: он умирал.

И Ларисе Фёдоровне вдруг стало душно. У неё уже не было того счастливого ощущения солнца, неба, своей молодости, той долгой-долгой, красивой, шумной жизни, которая у неё ещё вся впереди. И нетерпеливо хотелось теперь только одного — чтобы профессор Лёбедев был сейчас здесь. Ах, как необходимо было присутствие этого грубого, неуживчивого, слишком требовательного к людям старика.

Ему уже звонили в поликлинику, он знал, что умирает человек, и наконец приехал.

Не успел он выйти из лифта, а ему навстречу по коридору уже спешили встревоженные врачи, окружили его, рассказывая о состоянии больного и о том, какие меры приняты.

Он даже не зашёл к себе в кабинет, чтобы надеть халат, и, как был, в сером костюме, потирая большие красные руки, неторопливо пошёл к палате, где лежал Мусин. Врачей, мешавших ему идти, он слушал невнимательно и, глядя под ноги, говорил:

— Да, так. Хорошо. Ну, что же, правильно. Этого следовало ожидать. Ничего.

И, глядя на его спокойное лицо, казалось, что и в самом деле ничего страшного не происходит.

В палате он не задержался, быстро осмотрел Мусина и, словно тут же потеряв к нему интерес, пошёл к двери, бросив: — На стол!

Но сказал уже твёрдо и повелительно.

Когда Мусина везли в операционную, все, кто был в коридоре, знали, что он при смерти, и с тревогой и жалостью смотрели ему вслед.

Через три часа двери операционной открылись, и Мусина повезли обратно в палату.

Лариса Фёдоровна ассистировала профессору, очень устала, но, как только операция закончилась и стало ясно, что Мýсин спасён от смерти, усталость исчезла, и вновь вернулось то чудесное ощущение, какое с утра волновало её.

Ей сказали, что внизу уже давно сидит и плачет жена Мýсина, она сейчас же сбежала к ней по лестнице, села рядом со старухой на диване и, заглядывая ей в глаза, убеждённо и радостно сказала:

— Зачем же плакать! Теперь всё хорошо, профессор у нас замечательный, он всё сделал как нельзя лучше! — И, говоря так, сама вдруг впервые подумала, что профессор у них действительно замечательный, и больница у них тоже замечательная, операционная оборудована самой новейшей аппаратурой, а какие хорошие, внимательные, заботливые врачи, сёстры, няни!

— Господи! Пошли ты ему долгих лет самой хорошей, самой беспечальной и бесслёзной жизни за доброту его сердечную, за руки его золотые, — вытирая ладонями мокрые щёки и подбородок, сказала старуха.

— Ну, вот и хорошо, — сказала Лариса Фёдоровна, обняв её за плечи и помогая встать с диванчика. — А теперь идите домой, отдохните и приходите к нам завтра. И, пожалуйста, не беспокойтесь.

Поднимаясь в лифте к себе на пятый этаж, Лариса Фёдоровна вспомнила все старушечьи слова, — как хорошо сказала она: «За доброту сердечную, за руки золотые», — хотя никто ещё не видел его доброты, а руку у него были красные, большие, рабочие.

И всё-таки как же была права старуха! Только даже за то, что Лёбедев сделал сейчас своими руками для Мýсина, хотелось простить ему всю его грубость. И Лариса Фёдоровна решила пойти к нему и рассказать, как благодарила его старуха и как приятно было слышать это.

Профессор, собравшийся ехать домой, уже кричал за что-то на дежурную сестру, и у Ларисы Фёдоровны вдруг

пропало желание разговаривать с ним.

Лёбедев не помнил зла, но этого никто не ценил, так же как никто не замечал, что он одинок, что жизнь его на исходе, что роднее, дороже больницы для него давно уже ничего нет и он любит всех, кто работает с ним, а кричит потому, что стесняется показаться смешным в этой своей сердечной привязанности к врачам, сёстрам и няням.

По дороге домой и дома, сидя за стаканом крепкого чая, который принесла ему старуха, жившая у него очень давно, которую он по привычке называл няней, воспитавшая обоих его сыновей, погибших на фронте, похоронившая с ним его жену, он всё думал о больнице, как думал о ней каждый день, и думал не о том, что отлично сделал операцию, — это давно стало для него привычным, — а о том, что Лариса Фёдоровна прекрасно ему ассистировала и, конечно же, скоро сама будет делать такие операции — и это тоже было очень приятно ему.

Вечером в открытое окно больницы было слышно, как в парке играет военная музыка, и, слушая её, Лариса Фёдоровна, счастливая, возбуждённая, думала о том, как много ещё ей жить на свете, что вот пройдёт эта короткая летняя ночь и утром, сдав дежурство, она встретит Володю Корнева и скажет ему о своём согласии. Ночью, думая о Володе, о том, что очень любит его, она несколько раз приходила к Мусину. Во сне он дышал свободно, легко, и Лариса Фёдоровна знала, что он будет жить.

Комментарии

Лёбедев

заведующий (сущ.)

отделением

одинок

замкнуто

主任、经理、管理员

外科主任

列别杰夫

заведующий хирургическим

孤独地

孤僻地，与外界隔绝地

неуживчивый	乖僻的, 难于共处的
накричать сов. на кого	呵斥, 大声叱责
не проходит (проходило) дня, чтобы ...	没有一天不... (每天都要...)
персона́л (соби́р.) (机关, 企业的) 全体人员; 工作人员们, (某种) 人员(们)	
сто́ить (безл.) с инф.	只要; 刚一 сто́ило (сто́ит) кому́ что де́лать,
как ... 只要(刚一) ...、就...	
самолю́бие	自尊心
включая́ (предл.) кого-что	包括在内, 连...也在内
выска́зывать несов. что	说出
сде́ржанно	有分寸地; 沉着地
де́лать вид	假装, 作样子
гру́бость ж.	粗鲁话, 无礼的话; 粗鲁行为
Лари́са Фе́доровна Го́рячева	拉里沙·费奥多罗夫娜·戈里亚切娃
дежу́рный врач отде́ления	科值班大夫
повыша́ть го́лос (на кого)	对...愤怒地提高嗓门, 责怪...
оче́редно́й	照例的, 例行的
поликли́ника	门诊部, 分科诊所
консу́льтировать несов. кому-чему	解答疑问, 进行辅导
дежу́рство	值班 值班 值班 接班
Воло́дя Ко́рнев	沃洛佳·科尔涅夫
майо́р	少校
уха́живать несов. за кем-чем	追求...、(对妇女)献殷勤; 照料
прийти́ на дежу́рство	来值班
прие́мный	接待的; 接见的; 开诊的 приёмный по́кой 急诊室
ско́рый	快的, 急速的 ско́рая по́мощь 急救, 紧急救护车
маши́на «Ско́рой по́мощи»	急救车
при́ступ	发作, 突发, 暴发(疼痛, 激怒等)
испу́ганно	受惊吓地, 惊慌地
дове́рчиво	信赖地, 表示信任地
опера́ционная (сущ.)	手术室
исто́рия боле́зни	病历
перепо́лнять несов. кого-что	使过满, 使充满
перекла́дывать несов. кого-что	搬到, 移置, 移放
ро́т, рта	嘴 (У кого) пошла́ ртом кро́вь. ...口里吐血(流血)。
осла́бнуть сов.	衰弱; 变弱, 变得无力

заняться сов. кем-чем

давление

давление крови

катастрофически (нареч.)

ощущение

нетерпеливо

встревоженный

бросить сов. что

повелительно

при смерти

ассистировать несов. кому

как нельзя

оборудовать сов. и несов. что

господи (межд.)

послать сов. что

照顾; 照应, 张罗

压力; 压迫

血压

灾难性地, 极危险地

感觉; 感受; 心情

急不可待地, 不耐烦地

惊扰不安的, 焦急的; 激动不安的

(突然地, 迅速地)说出

命令性地, 命令式地

垂死

(给教授, 医师等)当助手, 作助手

尽可能, 尽量; 再...没有

装备, 设备

上帝啊! 主啊!

致, 寄, 送(指用书信, 手势, 语言向

人表示自己的意思)

Пошли ты ему долгих лет самой ... пошли 是 послать 的单数第二

人称命令式。此句可译为: 上帝啊! 你保佑他这个有双巧手的好心人多

福多寿吧!

золотые руки

可贵的能手

тюдбородок, -дка

下巴

диванчик (диван (长沙发)的指小)

小长沙发

старушечий

老太婆的

не помнить зла

不记仇

исход

(最终)结局, 结果

быть на исходе

快完, 消耗殆尽

привязанность ж.

眷恋, 依恋

привычка

习惯, 习气

по привычке

习惯性地, 习以为常地, 按照习惯

возбуждённый

兴奋的, 激动的, 激奋的

сдать дежурство

交班

Задания по тексту

I. Ответьте на вопросы:

1. Как отзываются люди о профессоре Лебедеве в больнице?

Найдите соответствующие эпизоды из текста, которые дают ответ на этот вопрос.

2. Кто такая Лариса Фёдоровна Горячева?
 3. Что случилось однажды в больнице во время дежурства Ларисы Фёдоровны Горячевой?
 4. Кто и как выручил Ларису Фёдоровну?
 5. Какие места в тексте вас особенно волнуют? И почему?
 6. Можно ли сказать, что у профессора Лебедева не только золотые руки, но и золотое сердце?
 7. Почему текст назван «Трудный старик»?
- II. Выпишите из текста слова и словосочетания, связанные с медициной.
- III. Переведите данные словосочетания на китайский язык и запомните их.
1. хирургическое отделение, заведующий хирургическим отделением, хирург, дежурный врач, дежурная сестра
 2. операционная, самостоятельно вести операцию, оперировать больного, сделать (кому) операцию
 3. принимать дежурство, сдать дежурство, прийти на дежурство

ТИХИЙ ЧЕЛОВЕК

(По Т. Тэсс)

Лётчик съел на завтрак половину большой курицы, посмотрел на остаток и отломил ещё длинную куриную ногу. Потом махнул рукой, доел всё и вышел в коридор покурить. Вслед за ним вышла и я.

В купе остались двое: рослая женщина со смуглым лицом и большими ловкими руками и очень тихий, худенький человек в очках, с бородкой, делающей его похожим на Чехова. Тихий человек большую часть пути лежал на верхней полке и читал. Звали его странно: Сократ Ив́анович. Приготовив на столике еду, женщина звала его, он откладывал книгу, снимал очки и несколько секунд сидел на верхней полке, устало протирая глаза. Потом они ели вместе, молча, аккуратно, и он залезал обратно на верхнюю полку. Я обратила внимание на то, как ловко и красиво женщина резала еду и раскладывала её. Обращалась она к тихому человеку с уважением...

— Как ваше имя и отчество, простите? — спросил меня в коридоре лётчик. После такого завтрака ему, видно, хотелось поговорить.

— Татьяна Николаевна, — сказала я.

— Очень приятно! Так вот, Тайса Николаевна, знаете ли вы, что такое работать в санитарной авиации? Нет, дорогая, вы того не знаете! Наша работа, Татьяна Никодимовна, — особая работа, скажу прямо. Если писателю рассказать, он книгу об этом может сделать, ей-богу! Но, может, вам это не интересно?

— Что вы! — сказала я.

— Есть, знаете, люди, которые думают, что всё это очень

просто — на теперешнем уровне техники, — сказал лётчик, облокотившись на окно. — Но вы, Татьяна Ивановна, человек серьёзный. Серьёзный человек это в силах понять. Серьёзному человеку и рассказать приятно. Как вы считаете?

— Ну, ну, — сказала я. — Давайте.

— Представьте себе такой случай.

Поступает радиограмма: «Необходимо срочно проконсультировать и вывезти трёх больных пастухов. Диагноз больных неизвестен». А в бортжурнале запись: «Погода нелётная». Понятно, какое положение, Наталья Николаевна? Вы, к примеру, потом в бортжурнал посмотрите, и там только одна строчка: задание выполнено. А что за этой строчкой скрыто, это только мы знаем...

— Или, например, другой случай, Тамара Николаевна. Получаем вызов из альпинистского лагеря, нужна срочная операция. Посадочной площадки там нет. А лететь надо? Ну, летим всё выше и выше, смотрю на своего доктора, а у него уже губы и ногти все синие стали от недостатка кислорода. Боюсь я за доктора, конечно. Но снизиться нельзя! Наконец, долетели, и вижу я: все альпинисты выстроились, показывают, где можно сесть. Я посмотрел — камень на камне! Делаю круг, делаю второй, делаю третий... Ну, где тут сидеть? Наконец заметил площадку... Вылезли из самолёта, я посмотрел вокруг и закрыл глаза: сэм не понимаю, как целы остались! Я же вам говорю, Настасья Петровна, целый роман я мог бы написать, если бы имел свободное время...

Я слушала его с большим интересом. Смотрела на его широкие плечи и представляла себе его в воздухе, представляла людей, с которыми случилась беда, и то, как они с надеждой глядят в небо, ожидая доброго бога авиации.

Наконец лётчик ещё раз оглянулся на столик в купе и сказал:

— Вы, наверное, хотите отдохнуть?

Он ушёл в купе, а я осталась у окна и долго стояла,

глядя на мелькающие мимо телеграфные столбы.

Когда я вернулась в купе, лётчик уже спал. Он лежал на полке, раскинув руки. Вагонная полка с трудом вмещала его могучее тело. Тихий человек тоже спал, повернувшись лицом к стене. Женщина сидела у столика и смотрела в окно.

— Ну что, наслушались удивительных историй? — сказала она и улыбнулась мне. — Он, в общем, славный парень, наш Алёша. Только любит поговорить. За двадцать четыре года, которые Сократ Ива́нович работает в санитарной авиации, много лётчиков у него было. В большинстве попадались хорошие, храбрые ребята. И этот тоже такой. Только очень любит поговорить. — И она опять улыбнулась.

— Разве Сократ Ива́нович тоже в санитарной авиации? — удивилась я.

— Бортхирург, — сказала женщина. — А я с ним работаю бортсестрой. Все двадцать четыре года.

Мы помолчали.

— Он про альпинистский лагерь вам рассказывал? — спросила женщина.

— Рассказывал...

— Необыкновенная история, правда? Но сейчас я расскажу вам самое удивительное. — Женщина опять улыбнулась. Улыбка у неё была открытая, хорошая и украшала лицо, как цветок украшает жильё. — Сократ Ива́нович полетел туда без меня, вдвоём с Алёшей. Меня вызвали в другое место. И он надеялся на местного фельдшера. Прилетел, а фельшера нет. Что тут делать? Тогда он и говорит Алёше: «Мой руки, надевай халат, будешь мне инструменты подавать». Сделал он первый надрез — видит, Алёша стал белый, как бумага. Продолжает операцию — Алёша стал жёлтый. А Сократ Ива́нович ещё на него кричит: «Дай ножницы, не те! Думать надо...». Он человек тихий, но во время операции любит покричать. Ну, закончил он операцию и выходит на улицу. И вдруг слышит позади грохот

Обернулся, а Алёша на полу лежит в обмороке! Вот вам, какие истории бывают...

Она посмотрела на верхнюю полку, где спал Сократ Иванович.

— Двадцать четыре года бортхиругом... — Сказала она с нежностью. — Ни страха не знает, ни жалости к себе. Скольких людей спас, — это даже и рассказать нельзя.

Тихий человек спал, прижавшись к стене, словно старался занять на земле как можно меньше места.

Только правая рука его, разжавшись, свободно лежала на груди. Сильная, добрая рука хирурга.

Комментарии

Татьяна Николаевна Тэсс 塔季扬娜·尼古拉耶夫娜·泰斯 (1906—)

русская советская писательница, журналист

остаток, -тка

剩余, 剩下的东西

отломить сов. что

折下; (用手) 掰下, 揪下

куриный

母鸡的

доест сов. что

吃完, 吃尽

купé (пэ) (ср. нескл.)

(客车里的) 包房, 单间, 车厢房间

рбслый

身材高大的, 魁梧的

смуглый

浅褐色的, (面孔) 黑黑的

ловкий

灵活的, 灵巧的

бородка

(бородá (胡子) 的指小) 小胡子

Антон Павлович Чехов

安东·帕夫拉维奇·契诃夫 (1860—1904),

русский писатель

пóлка

卧铺

вёрхняя пóлка

上铺

Сократ Ива́нович

索克洛特·伊万诺维奇

протира́ть несов. что

擦干净

протира́ть глаза́

睡醒; 苏醒

залеза́ть несов. на что

爬上, (费力地) 登上

ре́зать несов. что

切, 割; 切开

раскла́дывать несов. что

摆开